

М.Л. Гофман

**Стихотворения Александра
Пушкина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М11

М11 **М.Л. Гофман**
Стихотворения Александра Пушкина / М.Л. Гофман – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 370 с.

ISBN 978-5-458-55636-1

ISBN 978-5-458-55636-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нуться, и къ нему не заростетъ народная тропа. Не заростетъ народная тропа къ великому народному поэту. Пушкинъ—носитель и выразитель богатства народной души и великій міровой поэтъ—народенъ не только потому, что въ своемъ творчествѣ близко подошелъ къ народному творчеству и создалъ такія сказки и пѣсни, которыя трудно отличить отъ созданій безымянныхъ народныхъ массъ, и которыя прибавляютъ новое къ тому, что уже создалъ творческій геній народа.

Пушкинъ народенъ не только потому, что понималъ языкъ русской природы, понималъ душу русской природы и нарисовалъ въ своихъ гармоническихъ стихахъ простые, незатѣйливые пейзажи русской природы.

Пушкинъ народенъ не только потому, что подошелъ близко къ быту, къ жизни и интересамъ широкихъ народныхъ массъ и передалъ этотъ бытъ. Пушкинъ народенъ и потому, что спѣ постигъ душу народную во всѣхъ ея проявленіяхъ, Пушкинъ народенъ въ высшемъ смыслѣ этого слова: овъ лучшій сынъ русскаго народа, и творчество его принадлежитъ къ высшимъ достиженіямъ, къ вершинамъ народнаго духа. Въ этомъ смыслѣ слова Пушкинъ одинаково народенъ и въ „Сказкѣ о рыбацѣ и рыбкѣ“, и въ „Утопленникѣ“ и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Достоевскій видѣлъ высшую, пророческую народность Пушкина въ его свойствѣ проникать въ сущность не только русской души и русской жизни, но и въ душу и жизнь другихъ народовъ и воссоздавать испанскую, англійскую, итальянскую жизнь такъ же полно и вѣрно, такъ истинно-художественно, какъ будто онъ былъ

VI

испанцемъ, англичаниномъ, итальянцемъ *) (въ этой способности какъ бы перевоплощаться въ чужую народность Достоевскій видѣлъ особенность русскаго народа, которому суждено примирить народы).

Произведенія Пушкина безконечно разнообразны, и они представляютъ живую и яркую лѣтопись не только современной ему русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и всѣхъ слояхъ, но и возсоздаютъ картины, быть и душу отошедшаго въ прошлое XVIII вѣка; и въ то же время произведенія Пушкина рисуютъ жизнь и передаютъ легенды другихъ народовъ и другихъ временъ. Во всеобъемлющемъ и мудромъ творествѣ поэта-мудреца надо на первое мѣсто поставить общечеловѣчность или, вѣрнѣе, *человѣчность* его поэзіи, пробужденіе лирою добрыхъ чувствъ. Эта необыкновенная человѣчность проявляется во всемъ его творествѣ: и тогда, когда онъ славить свободу и желаетъ видѣть „народъ неугнетенный“ и паденіе рабства, сконывающей духовныя силы народа, и тогда, когда онъ рисуетъ крестьянина съ гробикомъ подмышкой, и тогда, когда призываетъ милость къ падшимъ, и тогда, когда шлетъ слово утѣшенія въ глубину подземныхъ рудъ, и тогда, когда рисуетъ забитаго и обиженного жизнью станціоннаго зрителя и несчастнаго Евгенія (въ „Мѣдномъ Всадникѣ“), и тогда, когда вмѣстѣ съ своей печальной Таней слезы льетъ (въ „Евгеніи Онегинѣ“) и защищаетъ отъ злословья Евгенія Онегина, и тогда, когда желаетъ лю-

*) Замѣтимъ, что Пушкинъ никогда не выѣзжалъ за предѣлы Россіи.

VII

бимой имъ женщинѣ быть такъ любимой другимъ....: этой высшею, необыкновенною человѣчностью озарено и согрѣто все творчество Пушкина, легко находящее себѣ дорогу къ человѣческому сердцу. Пушкинъ—поэтъ мудрецъ: онъ знаетъ страданія и сомнѣнія человѣческой души, духъ отрицанія и сомнѣнія—Демонъ посѣщалъ его и шепталъ ему свои язвительныя рѣчи, но онъ преодолѣлъ этого демона и благословилъ жизнь съ ея радостями и страданіями, понявъ высшую цѣль жизни—въ самой жизни, въ ея высшемъ законѣ:

Все благо: бдѣнія и сна
Приходитъ часъ опредѣленный.
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ.

И поэтъ хочетъ жить, чтобъ „мыслить и страдать“, и потому, несмотря на все зло и страданія жизни, бодро восклицаетъ:

Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.

Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

И безсмертная человѣчная поэзія Пушкина, озаренная солнцемъ и красотою—божественнымъ даромъ, творческимъ гениемъ.

Велико значительно всеобъемлющее содержаніе поэзіи Пушкина, пробуждающей „добрыя чувства“, но не менѣе значительно и то, что Пушкинъ пробуждаетъ эти чувства „лирой“, поэзіей, прекрасными звуками и прекрасными образами, единой нераздѣльной поэзіей,

VIII

въ которой гармонически слито и неотдѣлимо одно отъ другого—прекрасная, совершенная, богатая форма и значительное, богатое содержаніе, составляющія плодъ поэтическаго творчества. Съ негодованіемъ отвергалъ Пушкинъ всякую мысль о возможности подчиненія поэзіи какимъ-нибудь временнымъ цѣлямъ жизни, учительство, замѣну лиры метлой и защищалъ полную свободу и независимость поэзіи. И недаромъ поэтъ колебался въ своемъ памятникѣ и написалъ сперва:

И долго буду тѣмъ любезенъ я вароду,

Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ.

Пушкинъ—поэтъ-мудрецъ, поэзія его пробуждаетъ чувства добрыя, но онъ прежде всего поэтъ, и про бужденіе добрыхъ чувствъ—свойство истинной поэзіи, лиры.

И сейчасъ—черезъ 120 лѣтъ послѣ рожденія поэта—стихъ Пушкина сохранилъ свою неувядаемую, вѣчно жиную и вѣчно свѣжую красоту, и эта красота такова, что съ ней никого и ничего нельзя сравнивать, и она не можетъ не увлекать въ поэтическій міръ Пушкина. А между тѣмъ въ стихѣ Пушкина нѣтъ изысканности, и, какъ все великое, онъ легокъ и простъ. Прекрасна и совершенна гармоническая форма поэзіи Пушкина, и прекрасна тѣмъ, что въ ней не видно усилий: какъ будто божественный даръ свыше, легко и просто далась она поэту, *) . но эта

*) А между тѣмъ Пушкинъ много работалъ надъ своей формой: доказательствомъ этого служатъ его черновыя тетради, въ которыхъ онъ добивался большаго, возможнаго совершенства.

простота божественна в *необычайна*, ее нельзя поддѣлать, и она посейчасъ сверкаетъ и блещетъ и чаруетъ слухъ и душу.

Лира Пушкина, изумившая его современниковъ, вдохнула жизнь въ русскую литературу и создала цѣлую группу, плеяду поэтовъ, находившихся въ той или иной зависимости отъ поэтического гения Пушкина, и поэзія пушкинской эпохи составила одну изъ самыхъ прекрасныхъ и содержательныхъ страницъ въ исторіи русской поэзіи. Этимъ однако не ограничивается значеніе Пушкина—совершеннѣйшаго выразителя прошлаго—XVIII вѣка, завершителя лучшихъ стремленій и поэтическаго пути XVIII вѣка, лучшаго выразителя думъ и литературныхъ исканій своего времени и основателя великой русской литературы, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и съ Пушкина вошедшей въ семью міровыхъ литературъ. Не только современные Пушкину поэты были озарены свѣтомъ его поэзіи и находились отъ него въ той или иной зависимости,—всѣ послѣдующіе писатели воспитались на его поэзіи, вся послѣдующая русская литература представляетъ развитіе того, что было заключено въ поэзіи Пушкина. Въ немногихъ словахъ невозможно прослѣдить это большое образующее значеніе творческой дѣятельности Пушкина, и мы приведемъ только нѣсколько случайныхъ примѣровъ, поясняющихъ сказанное нами.

Творчество безвременно ушедшаго изъ жизни (27 лѣтъ), не успѣвшаго развить и передать намъ свой геній Лермонтова началось съ подражанія, съ копированія Байрона и Пушкина; на Пушкинѣ учился

Х

Лермонтовъ писать стихи, и въ 1837 году написалъ уже сильное стихотвореніе, богатое поэтическими достоинствами: съ этого года начинается самостоятельное, смѣлое творчество Лермонтова. И это стихотвореніе—„На смерть поэта“, на смерть Пушкина... Еще большее вліяніе имѣлъ Пушкинъ на основателя русской повѣсти и разсказа (ядро которыхъ было заключено въ пушкинскихъ „Повѣстяхъ Бѣлкина“) — Гоголя. Гоголь познакомился съ Пушкинымъ въ то время, когда готовъ былъ перестать писать, когда перо вывалилось изъ его рукъ и не могло писать смѣшныхъ разсказовъ при страшной душевной пустынѣ — меланхоліи, покорявшей себѣ Гоголя. Пушкинъ, по словамъ Гоголя, заставилъ его взглянуть на дѣло серьезно, сразу угадалъ особенности таланта Гоголя и въ весельчакѣ, какимъ казался Гоголь всѣмъ читателямъ, увидѣлъ великаго меланхолика. „Обо мнѣ много толковали, говоритъ Гоголь, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ всегда говорилъ, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлѣть такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей“. И Пушкинъ не только подсказалъ своими повѣстями путь Гоголю, не только опредѣлилъ его талантъ, но и взялъ съ него клятву писать, поддерживалъ въ немъ бод-

ХІ

рость, руководилъ чтеніемъ Гоголя, далъ, наконецъ ему сюжеты для двухъ безсмертныхъ произведеній Гоголя: „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, поэмы, въ которой онъ побуждалъ Гоголя „изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ“. Вѣсть о смерти Пушкина застала Гоголя въ Римѣ и произвела на него поистиннѣ ужасное впечатлѣніе. „Никакой вѣсти хуже нельзя было получить изъ Россіи“—писалъ Гоголь: „Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданье... *) я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался я за перо—перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска“! Тяжкое впечатлѣвіе произвела смерть Пушкина и на молодого, зачитывавшагося Пушкинымъ 16-ти лѣтняго юношу—будущаго создателя психологическаго романа—Достоевскаго, перенесшаго незадолго до того тяжелую утрату матери; Достоевскій писалъ, что онъ просилъ бы у

*) Неоконченная повѣсть Гоголя „Мертвыя души“ (послѣ смерти Пушкина еще болѣе усиливаются муки не только Гоголя-человѣка, но и Гоголя-художника, и несомнѣнно, что смерть Пушкина, отсутствіе руководителя въ литературѣ повліяли на ускореніе развязки душевной драмы Гоголя).

ХП

отца разрѣшенія носить трауръ по Пушкину, если бы уже ни носилъ траура по матери—утрата матери не заслоняла для Достоевскаго всей тяжести утраты Пушкина, его кумира. При открытіи памятника Пушкину Достоевскій сдѣлалъ м. б. лучшую оцѣнку его поэтической дѣятельности, и на этомъ пушкинскомъ праздникѣ примирились враждовавшіе между собою писатели—Тургеневъ и Достоевскій,—враговъ соединила одна глубокая любовь къ Пушкину...

Скупой на благопріятную оцѣнку русской художественной литературы, Л. Н. Толстой, авторъ „Войны и мира“, высоко ставилъ „Капитанскую Дочку“—повѣсть о войнѣ и мирѣ...

Мы не говоримъ о русскихъ критикахъ—о Бѣлинскомъ и Аполлонѣ Григорьевѣ и о томъ, какъ они оцѣнивали поэзію Пушкина (выраженіе „Пушкинъ—наше все“ принадлежитъ Ап. Григорьеву); мы не говоримъ также о томъ, какъ на стихахъ Пушкина воспитались всѣ поэты XIX вѣка—Огаревъ, Майковъ, Полонскій, Фетъ, Толстой... не говоримъ потому, что намъ пришлось бы выйти далеко за предѣлы краткаго очерка.

Въ заключеніе отмѣтимъ только одно явленіе: каждое направленіе въ русской поэзіи неизмѣнно связываетъ себя съ именемъ Пушкина, и въ этомъ отношеніи не предоставляетъ исключенія поэзія символистовъ нашихъ дней, ведущая свое происхожденіе отъ Пушкина, черезъ Боратынскаго, Тютчева, Фета, Влад. Соловьева...

Никогда не умолкнетъ имя Пушкина и будетъ передаваться изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе—до тѣхъ поръ, пока „въ подлунномъ мірѣ Живъ будетъ хоть одинъ пійть.“

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года. Онъ принадлежалъ къ историческимъ семьямъ Пушкиныхъ, имена которыхъ появляются въ русской исторіи съ XIII вѣка, и Ганнибаловъ, появившихся въ Россіи съ начала XVIII вѣка: прадѣдъ Пушкина—любимый арапъ Петра Великаго—долженъ былъ оставить знойную Африку для холодной Россіи.

Родители поэта—мелочно-расчетливый, но житейски непрактическій, слабовольный и безхарактерный, но безусловный литературно одаренный, жесткій къ дѣтямъ, но чувствительный, сантиментальный и блестяще остроумный, прекрасно образованный Сергѣй Львовичъ, и блестящая креолка, Надежда Осиповна, занятая своими успѣхами въ обществѣ,—мало заботились о томъ, какъ росли ихъ дѣти и сдавали ихъ исключительно на попеченіе бабушки (Маріи Алексѣевны Ганцибаль), няни (Арины Родіоновны) и французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ.

Если воспитательное вліяніе бабушки и няни, умѣвшихъ вызвать въ гениальномъ ребенкѣ любовь къ себѣ, было несомнѣнно положительнымъ; если бабушка и няня питали поэтическую фантазію ребенка образами русской сказки и русской пѣсни и оставили по себѣ сердечную память въ Пушкинѣ, то на всю жизнь оста-

XIV

лись для поэта тяжелыя воспоминанія о томъ, какъ уродовали дѣтскую душу французскіе гувернеры и гувернантки.

Непривѣтливо и сурово обращались гувернеры съ замыкавшимся въ себя, неповоротливымъ и казавшимся въ это время неразвитымъ ребенкомъ-поэтомъ, издѣваясь надъ его стихотворными попытками и съ совершеннымъ безразличіемъ относясь къ его внутреннему дѣтскому мірку.

У отца поэта была богатая французская бібліотека, и ни родители, ни гувернеры не ставили мальчику никакихъ препятствій для безконтрольнаго пользованія ею: родителямъ было некогда и не до того, чтобы руководить чтеніемъ дѣтей, а гувернеры можетъ быть и сами не обладали для этого достаточными данными. И мальчикъ жадно читалъ французскихъ писателей XVII и XVIII вѣка и ненормально скоро развивался: рано развивался его умъ, рано развивалось чувство и чувственность (которую питала легкая французская поэзія, излюбленная его отцомъ). Рано пробуждается въ Пушкинѣ и поэтическій талантъ и стремленіе писать стихи—этому стремленію способствовали какъ книги, которыми онъ зачитывался, такъ—и м. б. еще въ большей степени—извѣстные русскіе писатели того времени, навѣщавшіе домъ Пушкиныхъ.

Въ 1811 году двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ отведенъ въ Петербургъ и отданъ въ Царскосельскій Лицей, открытіе котораго состоялось 19 октября 1811 г. Вмеѣстѣ съ Пушкинымъ были приняты 29 мальчиковъ (вскорѣ изъ нихъ осталось 28), принадлежавшихъ къ